

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ В. И. ВЕРНАДСКОГО»

СБОРНИК ТЕЗИСОВ УЧАСТНИКОВ

V научно-практической конференции
профессорско-преподавательского состава,
аспирантов, студентов и молодых ученых

«ДНИ НАУКИ КФУ им. В.И. ВЕРНАДСКОГО»

ТАВРИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

(наименование структурного подразделения/филиала)

СЕКЦИЯ: «ЯЗЫК. ТЕКСТ. КУЛЬТУРА»

г. Симферополь 2019 год

V научно-практическая конференция профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых «Дни науки КФУ им. В.И. Вернадского» / Сборник тезисов участников/ Секция «Язык. Текст. Культура» // Симферополь, 2019

В сборник включены доклады участников V научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых «Дни науки КФУ им. В.И. Вернадского», отражающие достижения научных и практических изысканий в сфере естественных, гуманитарных, технических наук и информационных технологий.

Работы публикуются в редакции авторов. Ответственность за достоверность фактов, цитат, собственных имен и других сведений несут авторы.

СЕКЦИЯ «ЯЗЫК. ТЕКСТ. КУЛЬТУРА»

(наименование секции)

МАНИФЕСТ В СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Валуев Д. Г.¹, Рыскельдиева Л.Т.²

¹аспирант *кафедры философии социально-гуманитарного профиля*
Таврической академии КФУ им. В.И. Вернадского

dgvaluev@gmail.com

²д.филос.н., профессор, *заведующая кафедрой философии социально-гуманитарного*
профиля Таврической академии КФУ им. В.И. Вернадского

ryskeldieval@gmail.com

В истории европейской культуры знаковое место занимают тексты, обладающие воздействием на читателя. Особо выделяются тексты, способные увлечь декларируемыми идеалами, побудить отбросить старый мир перед лицом зарождающегося нового, призвать к решительным действиям во благо этого нового мира. «95 тезисов» М. Лютера объявили миру о начале движения против Католической церкви, политические декларации Шотландских националистов, борющихся за самостоятельность своей Родины, и революционные памфлеты в Североамериканских колониях, заигрывающие с публикой и подталкивающие их принять ту или иную точку зрения в отношении грядущих событий.

Однако среди всех текстов стал выделяться тот, сама суть которого – в призыве к действиям – манифест. «Манифест Коммунистической партии», призывавший построить новый мир в XIX в., до сих пор реализует заложенный в нем потенциал. Манифесты авангардизма и футуризма дали сильнейший толчок развитию культуры и искусства в начале XX в. Сегодня, в эпоху сетевой коммуникации, «манифестарный» способ обращения посредством текста остается востребованным в публичном пространстве. Европейские либералы и евроскептики обмениваются призывами защитить европейские ценности от друг друга, американский анархист У. Спенсер рассылает письмо-манифест с призывом к «революционному самоубийству» против капитализма. Множество представителей науки, экологических организаций, общественных деятелей и политических активистов составляют множество писем, аудио и видео обращений и т.п., которые так или иначе воспринимают и называют «манифестами».

Можно утверждать, что манифест как способ текстового воздействия посредством заявления и призыва переживает своего рода популярность. Подобный текст можно назвать манифестарным текстом, акцентируя внимание на прагматическом и перформативном потенциале текста, через который автор намеревается заявить о чем-либо и призвать к действию по отношению к чему-либо.

Манифесты в социогуманитарных исследованиях зачастую используются исключительно как эмпирический материал для проверки и подтверждения тех или иных утверждений при изучении социокультурных и политических процессов. В ином случае они выступают «свидетелями», голосами значимых общественных сил, верующих в их воззрения, идеалы и мировоззрение. Как предмет исследования манифесты рассматривались рядом социологов, такими как М. Соколов и А. Корбут, как акт политического высказывания, направленного на создание сообщества и перераспределение символического

и культурного капиталов. Также манифесты анализировались представителями истории искусства и философии литературы. К примеру, М. Эпштейн, уделяет пристальное внимание включенности манифестов в процессы культурной трансформации, которые, в свою очередь, определяют векторы изменения подобного вида текстов как элемента литературы. Манифесты часто рассматриваются через призму жанрового подхода, как это делает Т. Симян, и раскрываются через проблему генезиса самого жанра и его функциональной роли в коммуникации.

Подобные подходы к изучению манифеста объединяет одно: он рассматривается в зависимости от социальных и культурных переменных. Справляясь с изучением манифеста внутри внешних по отношению к нему систем, они не решают двух задач: раскрытия сущности и смысла манифеста, так как первая может быть заключена только внутри текста, а второй при подобных исследовательских фокусах невозможно охватить в его полноте.

Решение первой задачи представляется возможным благодаря философскому исследованию манифеста, посредством анализа связей и отношений внутри текста. Использование концепта внутрипропозиционных отношений Ж. Делёза и теорий диалога А. Пятигорского и М. Бубера позволяет рассмотреть манифест как речь «говорящего Я», благодаря которой происходит очерчивание «личного пространства Я» и его разграничения от пространства Другого. Подобное разграничение и очерчивание осуществляется внутри оппозиций «правдоподобие/обман» и выражает категории желания и веры автора.

Решение второй задачи возможно, если увидеть в манифесте поведенческий акт, целенаправленный и осознанный – *conduct*. Следовательно, необходимо сделать упор на текст как средство воздействия. Анализ перформативного потенциала, возникающего в момент встречи текста и читателя и заложенный в него «призыв к действию» могут стать толчком для исследования смысла манифестарного текста.

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЕ: ОТ ОБРАЗА К ПОНЯТИЮ

Геращенко Э.Ф.¹, Иванченко А.А.²

¹студент третьего курса 2-го медицинского факультета

Медицинской академии им. С.И. Георгиевского КФУ им. В.И. Вернадского

²старший преподаватель *кафедры истории медицины и биоэтики*

Медицинской академии им. С.И. Георгиевского КФУ им. В.И. Вернадского

medethics@mail.ru

Введение. Утвердившиеся в европейской философии представления о пространстве и времени уходят своими корнями в античность. Атомизм Демокрита и система Аристотеля – две наиболее полные античные доктрины, в которых интересующие нас феномены осмыслены уже в виде вполне оформленных понятий. Но им предшествовал весьма долгий и интересный период первичной рефлексии мифологических образов, которая осуществлялась в творениях древнегреческих поэтов еще до появления собственно философских текстов. Путь от образного к понятийному описанию времени и пространства пролегал через усложнение и осмысление поэтических метафор. Он представлял собой переход от ассоциативного типа мышления к каузальному, "от мифа к логосу".

Цель и задачи исследования. Проследить на материале древнегреческой поэзии и философии эволюцию античных представлений о пространстве и времени от образа через метафору к понятию, выявить их этическое измерение.

Методика исследования. Анализ некоторых античных философских и поэтических текстов, главным образом хоровой и сольной лирики.

Результаты исследования. Для мифа характерно разделение пространства и времени на профанное (обыденное) и сакральное (актуализирующееся в ритуале). Мифологическое мышление принимает это удвоение как данность, но критический ум эллинов эпохи "культурного переворота" уже видит в нем интуитивно угаданную, но не осмысленную

мифом проблему – проблему соотношения дискретного и континуального в мироздании. И вполне понятно, почему именно поэты первыми озаботились проблемой времени и начали ее разработку, еще не понятийную, но метафорическую: сама по себе поэзия с ее метрикой и есть воплощенное время. Служители Эрато, Каллиопы и Полигимнии, пытаясь рефлексивно постичь "софию" мастерства, дарованного им музами, осваивали свойства времени подобно тому, как ремесленники ("демиурги") осваивали свойства пространства.

Эллинские поэты представляли время в виде волнового процесса, характеризующегося длительностью, частотой (или ритмом) и фазой и, соответственно, выделяли два аспекта времени, которые можно условно обозначить как "циклос" и "хронос". "Циклос" подобен движению солнца по небесному кругу. Он – вечная периодическая повторяемость "веков" ("эонов"): "золотой", "медный", "железный". Но человек смертен, "век" его короток. Над ним властвует необратимый "хронос".

"Хронос" является последовательностью равномерно сменяющихся моментов. Изначально это мифологема, персонифицированный образ всепоглощающего и необратимого хода времени ("Кронос"). Но есть способ как бы изменить "временной режим", выйти из-под власти "хроноса". Таким способом является "кайрос" – "счастливый случай", "правильная мера" времени. "Кайрос", как и "Кронос" – божество, но божество, олицетворяющее не общий ход времени, а его отдельные моменты, а именно "счастливые моменты", "счастливые случаи". Он актуализируется через свершение героического, экстраординарного поступка, остающегося в памяти потомков и гарантирующего своеобразное бессмертие. Это единственный доступный смертному способ остаться в вечности, причем неоценимую помощь в этом, по мнению, например, Пиндара, оказывает герою поэт, воспевающий и прославивший в веках его подвиг, воздвигший "памятник нерукотворный". Во всепоглощающем потоке "хроноса" осознающему эфемерность и кратковременность своего существования "лирическому герою", например, элегий Архилоха, открываются две возможности: либо забыться во временном потоке, проводить жизнь в пирах и веселье и неизбежно "кануть в Лету", либо постичь ритм бытия, его меру, совершить деяние, достойное воспевания поэтом, т.е. обрести свой кайрос.

Таким образом, античная поэзия разворачивает проблему времени посредством человекообразных метафор, впоследствии превратившихся в философские категории онтологического и этического содержания. В мышлении архаических греков еще господствует унаследованный от мифа синкретизм, т.е. нерасчлененность природного и этического, временного и пространственного. Так, "кайрос" в архаическом употреблении означал еще и "уязвимое место", место связи, но и возможного разрыва. Т.е. метафора "связи-разрыва" времени изначально носила пространственный характер и происходила, по всей видимости, из лексикона ремесленника-ткача (место соединения нитей).

Что касается пространства, то ключевой метафорой в его осмыслении явился "топос" ("место"), получивший статус онтологической категории в философии Демокрита (как среда для движения вечных атомов) и Аристотеля (как цель всякого механического движения). Но изначально пространство-топос, как и время-кайрос, имело качественные характеристики. И если для мифологического мировоззрения с его оппозицией "сакральное-профанное" наивысшей качественной интенсивностью обладали особо примечательные элементы ландшафта, а внутри поселения – "теменос", сакральный центр с алтарями и статуями богов, то уже в эпоху архаики ключевой дихотомией в осмыслении пространства становится "полис-хора". "Полис" может быть понят не только буквально как город-государство и гражданская община, но и как элементарная единица геометрически, этически и юридически упорядоченного, окультуренного пространства. Ему противостоит "хора", сельскохозяйственная округа, требующая постоянной культивации. Недаром у Платона метафорой, выражающей понятие о косной, стремящейся к распаду, "плохой" материи, является именно "хора". Лишившийся своего полиса (например, изгнанный) грек становился "неуместным", "утопичным". Таким же "неуместным" оказывался всякий, нарушивший

устой полиса. Сократ, например, был "утопичен" настолько, что для него в конечном итоге не нашлось места не только в полисе, но и в мире живых вообще.

Но были и более "глобальные" "топосы", также имевшие качественную (этическую) специфику и выделявшиеся в соответствии с наличием особых объединяющих "законов". Это "Эллада", объединявшая греков как участников общих "агонов", прежде всего Олимпийских с их нерушимыми правилами. За пределами действия Олимпийских норм обитали варвары. Но и они входили в один с эллинами топос – "Ойкумену", обиталище всех живых людей, т.е. тех, кто подчинялся человеческому "обычаю" – "темису", выраженному, например, в законе гостеприимства. Аласдер Макинтайр в работе "После добродетели" обращает внимание на то, что, гомеровский Одиссей, встретивший на краю Ойкумены Циклопа, первым делом спрашивает его о наличии "темиса", и только после отрицательного ответа, понимает, что перед ним не человек. Выделялись также и особые места, не имевшие для смертных входа ("Олимп") или выхода ("Аид"). И, наконец, самым всеобъемлющим "топосом" можно считать "космос", мировой порядок, противостоящий хаосу, зримо представленный небесными сферами, гармоничный и подчиненный закону-логосу.

Выводы. Анализ текстов Пиндара, Анакреонта, Архилоха и др. эллинских лириков позволяет выявить достаточно сложную структуру представлений о пространстве и времени в мировоззрении древних греков. Помимо "циклоса" и "хроноса", в целом вырастающих из мифологическим представлениям, они выделяли также "кайрос" – время счастливого случая, индивидуального для каждого смертного, разрывающего монотонность и безысходность "циклоса" и, в какой-то степени, выводящего человека из под власти всепоглощающего "хроноса". Пространство-топос также является сложным представлением, прошедшим путь от образа к понятию, и имеющим в себе качественный, прежде всего этический, аспект.

ЧУВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ НРАВСТВЕННОСТИ В ФИЛОСОФИИ И.КАНТА «ДОКРИТИЧЕСКОГО» ПЕРИОДА ЕГО ТВОРЧЕСТВА

Фроленко М.М.

студент группы 2Ф философского факультета
Таврической академии КФУ им. В.И. Вернадского
fromax27@gmail.com

Научный руководитель: Тимохин А.М.,
доцент *кафедры философии социально-гуманитарного профиля*
Таврической академии КФУ им. В.И. Вернадского

Исследование посвящено рассмотрению формирования этических воззрений И.Канта в его «докритический» период творчества. Показано, что труд «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» является одним из главных источников для исследования этого процесса. Выяснено значение концепций Ф.Хатчесона и их критики как одной из важнейших отправных точек для И.Канта как самостоятельного философа-моралиста, рассматривающего уважение, а не благожелательность как чувственное основание нравственности.

Своему моральному учению, сформулированному в работах «критического» периода, И.Кант придавал большое значение, так как видел в нём разрешение дилеммы притязаний личности на самостоятельность и необходимой нормативности общественной жизни. Кантовское учение оказывает влияние на этическую мысль до сих пор. Поэтому представляет научно-исследовательский интерес проблема поиска отправных точек в рассуждениях И.Канта, т.е. того круга вопросов, на которые и стремился он ответить впоследствии. Важным понятием кантовской моральной философии «критического» периода является «чувство уважения», истоки формирования и значение которого можно проследить уже в работах «докритического» периода.

Таким образом, актуальность данного исследования заключается в том, что более глубокое историко-философское рассмотрение становления в «докритический» период представлений И.Канта о характере происхождения наших моральных установок, должно помочь лучше прояснить последующую эволюцию этических воззрений И.Канта.

В процессе исследования применялся формально-логические методы: анализ, синтез, классификация, обобщение.

Основной гипотезой в данной работе является утверждение, что одной из важных отправных точек для формирования И.Кантом своей собственной позиции как самостоятельного и оригинального философа-моралиста, стал выход его эссе «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного», в котором содержится неявная полемика с британским философом Ф.Хатчесоном – представителем школы морального чувства. Результатом данной полемики стало убеждение И.Канта в том, что чувственным основанием нравственности является уважение, а не благожелательность.

Концепция обоснования морали Ф.Хатчесона в целом находится в рамках традиции эвдемонизма. Однако в данной концепции вводится разделение благ на блага натуральные и блага моральные. Последние являются чувством удовольствия, испытываемым человеком при совершении им поступков не из личной заинтересованности, а из одного лишь чувства благожелательности по отношению другому. Такое разделение благ на натуральные и моральные должно было помочь эвдемонизму преодолеть сложности, связанные с выведением морали из эгоистических побуждений индивида. Соответственно, основанием морали в философии Ф.Хатчесона стало это незаинтересованное чувство благожелательности.

В целом, сам факт знакомства И.Канта с моральной философией Ф.Хатчесона, высокая оценка Кантом данного учения и её влияние на немецкого философа, подтверждается многочисленными ссылками Канта в своих этических работах на труды Хатчесона.

Однако в ходе исследования была выявлена интересная в исследовательском плане полемика И.Канта с Ф.Хатчесоном в его эссе «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного». Таким образом, была установлено значение труда «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» не только как эстетического произведения, но и как важного источника для анализа этических воззрений И.Канта в «докритический» период его творчества.

Исследование данной полемики затрудняется своеобразностью формы её изложения. Жанр эссе, как менее строгий по сравнению с научным трактатом, позволил И.Канту сформулировать свою первоначальную критику Ф.Хатчесона скорее с помощью образов-анalogий, а не одних только строгих определений. Такой подход, возможно, связан со сложностью нахождения строгой и точной формулировки самим И.Кантом своих расхождений с Хатчесоном по вопросу о чувственных основаниях нравственности, так как чувства вообще трудно поддаются точному определению, и особенно, в случае их относительной смысловой близости, как это имеет место в случае с благожелательностью и уважением.

Основной приём И.Канта для формулирования своих расхождений по вопросу чувственного источника нравственности заключался в поиске им определённой, и хотя бы частичной соотнесённости эстетических понятий прекрасного и возвышенного с этическими понятиями благожелательности и уважения соответственно, поскольку эстетические понятия прекрасного и возвышенного были уже к тому времени содержательно достаточно разработаны. Таким образом, И.Кант смог через эстетические понятия более чётко развести этические понятия уважения и благожелательности.

Главным различием между прекрасным и возвышенным является то, что первое привлекает (оно радостное, весёлое и легкомысленное), а второе – волнует (является своеобразным удовольствием-неудовольствием; к нему примешивается определённое ощущение страха, и оно сопровождается определённым напряжением). Соответственно

благожелательность и уважение, с точки зрения И.Канта, различаются между собой неким аналогичным образом.

Таким образом, человек с развитым чувством прекрасного и связанным с ним чувством благожелательности любит веселье, радость, может быть щедрым и сочувствующим. За описанием подобного рода характера легко угадывается тот самый идеал благожелательного человека Ф.Хатчесона. Подобные люди очень привлекательны и приятны. Однако И.Кант не склонен идеализировать человека подобного типа. Поскольку он совершает добрые поступки лишь из собственного чувства удовольствия, то от него не приходится ждать постоянства. Подобные люди неустойчивы, легкомысленны и ненадежны в плане обязательств. Реализовать свои благие помыслы они могут лишь в условиях отсутствия всякого противодействия, в отсутствии необходимости в малейшем напряжении. В трудных ситуациях они склонны исчезать. Также желание угодить другому вовсе не всегда является таким уж безусловно положительным (в качестве примера, Кант приводит изящную лесть).

Истинная добродетель по Канту – возвышенна. Человек с преобладанием чувства возвышенного и связанного с ним чувства уважения являет собой в каком-то смысле противоположность первому. Он серьезен, правдив, преисполнен собственным чувством достоинства. Такие люди напротив отличаются постоянством и твердостью характера, т. к. руководствуются общими принципами, а не случайными влечениями. Соответственно, именно от человека с развитыми чувствами возвышенного и уважения можно ожидать исполнения их морального долга в любых ситуациях.

На основании вышеизложенного, можно сказать, что во многом именно критика Ф.Хатчесона Кантом по вопросу достаточности одного лишь чувства благожелательности для объяснения функционирования нравственности в «Наблюдениях над чувством прекрасного и возвышенного», послужила для немецкого классика уже в «докритический» период отправной точкой для начала разработки своей концепции противопоставления долга и склонности, а также к осознанию императивной функции нравственности, связанной с чувством уважения как способности быть восприимчивым к общим принципам.

СМЫСЛ ПАЙДЕЙИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПЛАТОНА И ИСОКРАТА

Яхновская Ю.С.¹, Зарапин О.В.²

¹ студентка группы 2Ф философского факультета
Таврической академии КФУ им. В.И. Вернадского
juliayakhnovskaya@gmail.com

²доцент кафедры философии социально-гуманитарного профиля
Таврической академии КФУ им. В.И. Вернадского

Существенной особенностью современной системы философского образования является компетентностный подход, определяющий как организацию учебного процесса на уровне составления планов, рабочих программ и т.д., так и понимание конечного результата в виде готовности к профессиональной деятельности. Компетенция и компетентность как образовательные ориентиры фиксируют определенную трансформацию в понимании ценности интеллектуальной деятельности.

Эту трансформацию можно понять как процесс, укорененный в истории интеллектуальной культуры. Традиции образования восходят к античной пайдейе и средневековому университету, здесь формируется установка рассматривать умения и навыки, способность ориентироваться в текстовом материале как самодостаточные формы интеллектуальной деятельности, основу которых образует разделение между созерцательной жизнью и жизнью деятельной (*vita activa* – *vita contemplativa*).

В итоге это разделение обозначает особое понимание того, что значит философское образование и что значит быть философски образованным, в котором отчетливо прослеживается линия Платона, пытающегося наполнить формы интеллектуальной жизни

духом аристократизма. В некотором измененном виде этот дух обнаруживается и сегодня в отражениях распространенного мнения о том, что философия и жизнь мало связаны, что философская мысль никогда не вырастает в конкретное дело, оставаясь всего лишь словом. Отсюда понятно, с чем связан компетентностный поворот: он воплощает контр-платоновское движение в сторону приближения знания к конкретным целям и задачам деятельной жизни. Но, что такое компетенция как умение или навык, заточенные под решение определенного круга задач и направленные на конкретные цели? Как в компетенции связаны философская мысль и действие? В поисках ответа на этот вопрос можно констатировать, что современная ситуация оказывается схожей с ситуацией эпохи Платона, где также как и сегодня актуальным оказывается вопрос о применимости философской мысли и том, какой цели служит философское слово.

Попробуем посмотреть на этот вопрос с точки зрения того, как он представлен в античной культуре. Можно выделить три точки зрения, в которых выражены существенно различные подходы. Во-первых, это точка зрения софистов, которые первыми сделали общедоступным философское образование и тем самым продемонстрировали, что философское знание не замкнуто на себя и может приносить ощутимую пользу в повседневной жизни, прежде всего как речевая практика, нацеленная на убеждение оппонента, что делает ее особенно востребованной в ситуации демократического полиса, где дискуссии и обсуждения образуют основу общественной жизни. Во-вторых, это точка зрения Платона, которая выражает противоположную мысль о том, что философское знание имеет собственную ценность, его нельзя сводить к технологии, как бы мы сегодня сказали, манипуляции чужим сознанием. Цель философского образования, согласно Платону, в преобразовании человеческой личности согласно образцу того, как устроен сам Космос. Для этого нужен диалог как речевая практика, в поле которой действуют законы гармонических сочетаний по типу “подобное – к подобному”. Заметная проблема платоновской модели проявилась в сюжете “Апологии Сократа” – философ и общество говорят на разных языках, цель философского слова не вписана в мейнстрим общественной жизни.

Созерцательная и метафизическая философия Платона не могла и не может полностью удовлетворить образовательный подход пайдеи, как системы воспитания, т. к. представляет собой умозрение и рефлексию, оторванные от потребностей массового общества, что делает ее эзотерическим знанием.

Возможно, философское образование античности так и металось бы от деятельного философствования софистов к созерцательному умозрению Платона, если бы не философ Исократ, который смог с помощью риторического искусства достичь середины между софистикой и диалектикой.

В чем же эта середина проявляется? Исократ, как и софисты, делает упор на эффективное построение речи и письма, отвечающее задачам жизни практической, что свидетельствует о доступности образования в его риторической школе. С другой стороны, Исократ также, как Платон, стремится к достижению истины в ходе философских размышлений и рассуждений, а не лишь с помощью технологии убеждения другого в своей правоте, в чем часто упрекают софистов. Однако, в отличие от Платона, Исократ, как философ, стремится говорить с народом на одном языке, доступном для понимания каждого, но, в отличие от софистов, это язык объективных аргументов, которые могут быть подвергнуты сомнению и опровергнуты. О мудрости Исократ в речи “К Никоклу” пишет: “Мудрыми считай не тех, кто тонко спорит о мелочах, а тех, кто правильно рассуждает о важном”.

Некоторую промежуточную позицию Исократ между Платоном и софистами подтверждает и высказывание последнего о том, что лишь когда оратор и государственный деятель оказываются “объединенными в одном лице, оба эти начала делают человека непревзойденным по сравнению со всеми остальными”.

Можно сделать вывод, что культивируемый в пайдеи античный агонистический дух, стремящийся к достижению мудрости и рассудительности, не только получил свое развитие

в последующей, средневековой философии, но и прошел сквозь эпохи, не утратив своей актуальности и сегодня. Вопрос в том, какой из античных подходов наиболее удовлетворяет современному философскому образованию, построенному на овладении конкретными навыками и компетенциями? Где цель философской речи смещается от метафизичности Платона, приводящей к постижению идей (эйдосов), и созерцанию космического порядка и гармонии, к софистической общедоступности философского образования, и его практического использования в повседневной общественной жизни в качестве практики убеждающих речей?

Однако, полностью отказаться от гармоничности и упорядоченности Платона, его стремления к истине и красоте, в том числе и речи, было бы неверно. Поэтому наиболее универсальной, объединяющей в себе оба подхода в философствовании и философской речи является риторика Исократ, заимствующая у софистов их общедоступность и необходимость конкретной пользы философской речи для жизни здесь и сейчас. С другой стороны, риторика Исократ культивирует речь аргументированную и стремящуюся к истине, основанную на доказательствах, а не речь – манипуляцию. Именно это делает риторику Исократ столь востребованной в современном обществе, от политических дебатов и выступлений до повседневных речей, существенно расширяя круг применимости философской речи, что еще раз демонстрирует вечную актуальность античного пайдетического образования и воспитания личности.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

«

Валуев Д. Г., 3
Геращенко Э.Ф., 4
Зарапин О.В., 8
Иванченко А.А., 4
Рыскельдиева Л.Т., 3
Фроленко М.М., 6
Яхновская Ю.С., 8

место для вставки алфавитного указателя»